

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Л. С. Некоторые вопросы составления общей характеристики местности и местных условий в военно-топографических описаниях // ИТС ВТС. 1950. XIV. С. 46—51.
2. Абрамов Л. С. Описания природы нашей страны. Развитие физико-географических характеристик. М.: Мысль, 1972. 227 с.
3. Абрамов Л. С. География в помощь фронту и тылу в годы Великой Отечественной войны // География в школе. 1975. № 3. С. 6—9.
4. Абрамов Л. С. Советская география в Великой Отечественной войне // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1985. № 2. с. 15—17.
5. Абрамов Л. С. География для Победы // Вопр. географии. Сб. 128. Географы фронту и тылу (1942—1945). М.: Мысль, 1985. С. 13—24.
6. Абрамов Л. С. Эволюция информационной функции отечественной географии: Дис. ... д-ра геогр. наук. Москва: ИГ РАН, 1993. 54 л.
7. Андреев Н. В. Географические труды офицеров Генерального штаба за 1836—1868 гг. и их значение в развитии географии в России // Тр. МИИГАиК. 1962. Вып. 49. С. 11—25.
8. Борзов А. А., Щукин И. С., Тугариков Д. П., Заруцкая И. П. Методика географических описаний // Тр. ЦНИИГАиК. М., 1938. Вып. 26. 48 с.
9. Географическая наука — Победе // Изв. РАН. Сер. геогр. 1995. № 2. С. 5—9.
10. Григорьев А. А. Советская география и война // Изв. ВГО. 1944. Т. 76. Вып. 1. С. 10—20.
11. Григорьев А. А. Институт географии АН СССР в дни Отечественной войны // Вестн. АН СССР. 1944. № 7—8.
12. Доскач А. Г., Кесь А. С., Назаревский О. Р., Помус М. И. География в учреждениях Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны. Изв АН СССР, сер. географ. 1975. № 3. С. 5—12.
13. Доскач А. Г. Академик А. А. Григорьев в годы Великой Отечественной войны // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1989. № 3. С. 58—64.
14. Ефремов Ю. К. Из опыта военно-географического обслуживания фронта // Вопр. географии. Сб. 128. М.: Мысль, 1985. С. 77—83.
15. Захаров Г. В., Серпуховитин Б. И. Текстовые военно-географические документы. Военно-инженерная академия. Учебное пособие. М., 1982. 220 с.
16. Зворыкин К. В. Инженерно-географические работы в войсках // Вопр. географии. Сб. 128. Географы фронту и тылу (1941—1945). М.: Мысль, 1985. С. 96—106.
17. Комков А. М. Государственная картография Германии накануне и в период второй мировой войны. М.: РИО ВТС, 1949.
18. Комков А. М. Советская картография в годы Великой Отечественной войны // Вопр. географии. Сб. 128. Географы фронту и тылу (1941—1945). М.: Мысль, 1985. С. 68—76.
19. Котляков В. М., Преображенский В. С. Академическая география — вооруженным силам // Изв. РАН. Сер. геогр. 1995. № 2. С. 9—21.
20. Пособие по составлению военно-географических описаний (Х. С. Резников, Л. С. Абрамов, Г. В. Захаров, В. В. Бодрин). РИО ВТС, 1951.
21. Преображенский В. С., Александрова Т. Д. Комплексные военные географические карты, 1941—1944 // Изв. РАН. Сер. геогр. 1995. № 2. С. 22—34.

Институт географии РАН

Поступила в редакцию
10.III.1995

УДК 911.3

Э. Б. АЛАЕВ

ГЕОГРАФИЯ — ТЫЛУ

Не первый раз к юбилейной дате мы, вспоминая минувшее лихолетье, отдавая дань памяти погибшим, подводим итоги совершенного в те далекие сороковые годы. И, как правило, всегда под знаком вопроса: чем ты помог фронту?

И это, наверное, правильно. Судьба страны решалась в первую очередь на полях сражений, и все дела, все мысли науки — в том числе и географической — были направлены на то, чтобы оказать помощь сражающимся войскам.

«Все для фронта, все для победы!». Но уже сам этот лозунг военного времени заставляет переосмыслить воспоминания. Ибо слово «победа» более емкое, чем «фронт». Уже первая мировая доказала, что воюют не только армии, но и тылы —

страны с их экономикой, ресурсами, идеологией, организацией. А вторая мировая война была точно противостоянием «внефронтовых» реалий. Эта мысль нисколько не умаляет достоинства воинов, жертвовавших своей жизнью. Но солдат и матрос были на вершине огромной пирамиды, в основании которой лежали ресурсы, добывающая промышленность, металлургия, машиностроение, химическая индустрия, продовольственная база, производство обмундирования, лекарств... Одним словом — тыл.

Однако чаще и больше говорилось о фронте. Даже можно вычислить, насколько его приоритет был весомее. За годы войны картографические фабрики страны дали для фронта 900 млн. листов карт, в основном топографических (это 635 тыс. карт за один день войны!); кроме того, фронтовые картографические установки изготовили 35 млн. листов карт. Для нужд собственно тыла (геолого-ресурсные, сельскохозяйственные, климатические, учебные и прочие карты) было выпущено за тот же период 100 млн. листов [7, с. 73]. Иными словами, девять к одному — такова пропорция фронтовых и тыловых направлений в картографии, и, видимо, та же пропорция была и в других географических науках, и не только географических.

К 40-летию победы Московским филиалом географического общества был выпущен содержательный итоговый сборник «Вопросы географии» № 128 — «Советские географы — фронту и тылу». В нем количество статей, посвященных работе географов для фронта, впятеро превосходит объем воспоминаний об их работе для нужд тыла [12].

Все это, конечно, условно. Разделить фронт и тыл нелегко, и чем дальше история войн уводит нас от начала беспокойного XX в., тем все труднее; а сейчас практически и невозможно, если говорить о «большой войне». Вероятность такой войны сократилась до минимума, но не исчезла совсем — если мы посмотрим на расклад интеллекта по королевским и президентским дворцам современного мира.

За полвека с момента завершения второй мировой войны ее история, опыт получили отражение в многочисленных публикациях. В том числе и о вкладе географии и географов в дело победы, наиболее полный рассказ о чем изложен в упоминавшемся сборнике «Вопросы географии» № 128. В указанной работе, как и во многих других, отдается должная память всем, кто содействовал общему делу как на фронте, так и в тылу. Но, на наш взгляд, мало внимания уделялось обобщению опыта и анализу; это, кстати говоря, отмечают и авторы исторической работы по отечественной географии [10, с. 36]. А ведь такой анализ необходим и для современности. Война есть *экстремальная ситуация*, коренным образом заставляющая менять не только экономику и политику, но и научную деятельность, а от подобных ситуаций наше общество не застраховано. Даже если не будет «большой войны». Поэтому главное внимание мы уделим обобщению, анализу особенностей памятного периода, из которого между строк проглядывают и рекомендации — не дай, конечно, Бог, чтобы им пришлось следовать! Но все же...

Первая особенность — и, как сейчас сказали бы, самая «крутая» — это резкое сокращение фронта поисковых работ (что, вероятно, характерно для всех стран, переживающих экстремальную ситуацию), четкая кристаллизация двух основных направлений в работе географов и ученых родственных наук: во-первых, выполнение прямых заданий Государственного Комитета обороны и командования Красной Армии (задания самые разнообразные, но именно такие, которые решить могла только география — от анализа проходимости местностей в различные климатические сезоны до характеристики театров военных действий); во-вторых, поиск и мобилизация естественных и других ресурсов для нужд войны [4]. Все это приходилось делать в чрезвычайных обстоятельствах первых месяцев военных действий, когда значительная часть индустриальных мощностей и продовольственных баз оказались под оккупацией, а научные учреждения эвакуировались из Москвы, Киева, Минска и других центров на восток. Необходимо было в срочном

порядке найти новые ресурсы в не затронутых боевыми действиями районах, определить места для размещения тысяч предприятий, эвакуированных из угрожаемых зон (всего было перебазировано в восточные районы страны, по неполным данным, 2593 промышленных предприятия, в том числе 1523 крупных; больше всех принял Урал — 667 предприятий, 300 предприятий переместилось в Сибирь, 142 в Казахстан), расселены миллионы эвакуированных советских людей (только Казахстан принял 1 млн беженцев [3, с. 12, 313].

Обо всем этом подробно сказано в мемуарной и исторической литературе. Но задумывались ли мы над странной исторической аналогией, сравнивая «век нынешний и век минувший»? Переходный период, переживаемый Россией, изобилует признаками экстремальности, и мы ощущаем, как одна за другой свертываются научные программы. Полвека назад эта концентрация усилий оправдывалась целью выживания страны и народа, ныне это «выщелачивание» фронта исследований больше идет под знаком борьбы за выживание — науки, институтов, каждого отдельного ученого. И правильно ли производится разделение на «живых и мертвых», на те направления, которые приказали долго жить, и те, которые мы стараемся удержать на плаву, хотя и по ним уже звучит колокол?..

Вторая особенность (может быть, по значению не вторая, но лучше о ней сказать сразу после первой) — *резкое возрастание прикладных исследований* в географии (по-видимому, и в других науках; вероятно, это — тоже закономерность для любой страны в военное время). Однако даже в этой обстановке теоретические и поисковые направления не прекращались. Война лишь качнула стрелку барометра в сторону поиска конкретных и скорых решений, и даже сильно качнула; в силу тех же чрезвычайных обстоятельств — эвакуация научных центров, потеря оборудования, сокращение ресурсов и пр.— некоторые фундаментальные работы пришлось временно прикрыть вообще (такая участь постигла, например, «Большую географию СССР», задуманную Н. Н. Баранским; хотя основной ее выход имел прикладное значение, в ней предполагалось и решение фундаментальных проблем районирования). Но уже в сентябре 1943 г. в Москве (к тому времени обстановка на фронтах позволила научным учреждениям вернуться из эвакуации в столицу) состоялось 3-е общее собрание АН СССР, на котором принято решение о проведении *теоретических исследований перспективного характера* [3, с. 45]. Для армии долговременный фактор ее боеспособности выражается не только наличной боевой техникой и кадрами, но и теми заделами, что появляются на ватмане конструкторских бюро, качеством подготовки курсантов в училищах; точно так же сила науки (а с ней — и всей нации) определяется не только и не столько реализованными открытиями, сколько размахом и глубиной прорыва в неведомые пока сферы. И в те *труднейшие* времена (которые даже нельзя сравнивать с нынешним *трудным* периодом) лидеры науки это понимали. Если бы потеряли эту ориентацию, то не мы первыми пустили бы атомную электростанцию, не мы первыми вышли бы в космос, и не Юрий Гагарин возглавлял бы список земных космонавтов.

Так ли это происходит в нынешней экстремальной ситуации? Пусть решит сам читатель. Тот читатель, который знает, что сейчас доктор наук получает впятеро меньше, чем водитель автобуса (из этого сравнения нельзя делать вывод, что водителю следует сократить зарплату!).

На третье место мы поставим такую очевидную особенность военного периода, как *фактор времени*. Приведем лишь один пример.

Сразу же после начала военных действий Институту географии АН СССР было дано задание в *трехмесячный срок* (слово к нынешней академической молодежи: вы слыхали о таких сроках, предоставляемых для выполнения научно-исследовательских работ?) выявить ресурсы сельскохозяйственных угодий на территории Казахстана (вероятно, именно это одна из причин, почему институт был эвакуирован в Алма-Ату) для расширения посевов зерновых в связи с тем, что основные житницы страны оказались в зоне вражеской оккупации. Было

организовано четыре специализированных отряда: физико-географический (К. К. Марков), агроклиматический (П. И. Колосков), водохозяйственный (Б. А. Федорович), экономико-географический (П. В. Погорельский). В содружестве с Казахстанским филиалом АН СССР, Госпланом и наркоматами республики это задание было выполнено в срок, и участники заслужили поощрение, как тогда говорили, от вышестоящих инстанций. Уже к весне 1942 г. посевные площади Казахстана выросли на 1488 тыс. га; вот когда были сделаны первые шаги «освоения целины» 1954 г.!¹

Как у нас повелось, отлично выполненное задание служит предпосылкой получения нового. Потеря в зоне оккупации практически всех свеклосеющих районов потребовала развития этой культуры и сахарной промышленности на Востоке. И это задание было выполнено — за годы войны площади под свеклой в Казахстане увеличились на 5 тыс. га [2, т. 11, с. 158].

Фактор времени обусловил и такую специфику военного периода, как ограничение региональных усилий географических и иных исследований; в первую очередь ресурсы выискивались в наиболее перспективных — с точки зрения быстрой отдачи — регионах. Это Урал, Казахстан, юг Западной Сибири с Кузбассом, Поволжье.

Выдающийся подвиг совершили ученые Академии наук (президент В. Л. Комаров, академик А. Е. Ферсман и др.) по превращению Урала в главную опорную кузницу оружия, вскоре обеспечивавшую 40% процентов вооружений и две трети танков для фронта. В 1942 г. большая группа ученых была отмечена Государственной (в то время Сталинской) премией, среди них видные экономист-географ А. Е. Пробст, автор концепции ТПК Н. Н. Колсовский, выдающиеся ученые, так много сделавшие для географии В. И. Вернадский и А. Е. Ферсман. Об успехах академической географии в Казахстане уже говорилось. Эвакуированные в те же районы ученые университетов — Московского, Ленинградского и др. — позволили улучшить подготовку кадров. Кстати, как говорят, нет худа без добра — эвакуированные на Восток ученые в известном смысле повторили подвиг декабристов, привнеся столичную культуру и уровень организации науки в отдаленные районы. Именно в 1943—1945 гг. возникают академии наук в Азербайджане, Армении, Казахстане, Узбекистане; вскоре после окончания войны — университеты в Туркмении, Киргизии, Таджикистане... Но это отдельная тема, заслуживающая специального исследования.

Концентрация внимания на «ключевых» регионах не означала, что развитие обошло другие территории. Именно в годы войны была построена Печорская железная дорога к Воркутинскому месторождению углей, нефтепровод Сахалин — Комсомольск, впервые в мире частично проложенный по дну моря...

Лучшее шло на фронт, в том числе и лучшие лекарства. Но и тылу (а это — вся страна) нужны были лекарства и витамины, угрожающие распространялась эпидемия тифа, педикулез. По всей стране развернулось движение школьников по сбору шиповника (в Сибири — черемши), лекарственных трав — чаще всего под руководством учителей географии, точнее — учительниц, ибо мужчины в основном ушли на фронт.

В интересах обеспечения населения витамином С Наркомпищeprom организовал экспедиции в поисках зарослей шиповника. В Казанской экспедиции «Союзвитаминпром» работал и автор в должности рабочего-топографа во время поисков и картирования целебных кустов по берегам Волги. Это была моя вторая «географическая» работа — до этого я зарабатывал свою «рабочую карточку» в должности картографа в Павловском райземотделе Горьковской области. Кстати, воспоминания — одна из причин, почему я взялся за эту статью.

Анализ мемуарных и юбилейных материалов, посвященных Великой Отечественной войне, позволил сделать еще один вывод, а именно: резко возросла комп-

¹ Аналогичные работы проводились и в других районах. На Урале за тот же период посевные площади увеличились на 903 тыс. га по сравнению с 1940 г. [3, с. 645].

лексность отдельных районов, особенно ключевых. С 1932 г. в стране господствовал отраслевой принцип управления хозяйством (сменивший практиковавшийся до этого районный принцип через ЭКОСО), и он оставался господствующим, особенно в стратегических отраслях экономики [10, с. 105]. Но ряд обстоятельств заставил хозяйственников ориентироваться на усиление взаимодействия внутри ограниченных территорий. Тем более, что магистральные железные дороги были загружены фронтовыми грузами (именно в этот период строится множество фидерных линий от основной железнодорожной сети к новым месторождениям и промышленным центрам). Одну из экспедиций ресурсного характера в «суб-периферию» — Коми-Пермяцкую — возглавил директор Института географии А. А. Григорьев.

И снова напрашивается аналогия с нашими днями: развал командно-административной системы и автоматическое исчезновение отраслевой «вертикали» управления хозяйством, дополненные эйфорией «суверенизации», усилили тенденцию комплексности в рамках, извините, субъектов Федерации. В годы войны эта тенденция была вызвана обстоятельствами и нацелена на ускорение победы. Если современная тенденция к комплексности направлена также на ускорение победы, то возникает вопрос — кого над кем?

И последний вывод. Может быть, с ним согласятся не все мои коллеги. Но если призадуматься, то он верен. Основной свой вклад в дело победы над врагом география внесла *до 22 июня 1941 года*.

Начну с того, что география как обязательный предмет средней школы и многих вузов обеспечила рост географических знаний (в том числе и топографических — вспомните, с чего начинается урок географии в 5 классе — с плана школьного двора), а без этих знаний боец и командир в современной войне безоружен. Это подчеркивалось в специальном Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР» — единственном пока документе верховной власти по нашей науке [10, с. 30]. Военная география преподавалась во многих ведущих военных академиях, а топография — во всех военных училищах. Карта на стене была неотъемлемым атрибутом каждой квартиры; это уже в наше время она уступила место гобеленам и портретам звезд рок-музыки.

Как уже говорилось, в первые месяцы войны около 3 тыс. предприятий было перебазировано на восток. В энциклопедическом издании [3] упоминается о 200 наиболее крупных предприятиях, из них более 100 испытавших эвакуацию (и реэвакуацию после освобождения их родных городов от врага). Анализ этих данных показывает, как удивительно точно — с экономико-географической точки зрения — выбиралось новое место размещения перебазируемого предприятия! Вот лишь несколько примеров. Запорожские заводы «Днепропресссталь» и комбайновый были перебазированы в Сталинск (ныне Новокузнецк), где уже существовала металлургическая индустрия, и в Красноярск (крупный машиностроительный центр в Сибири), коксохимические и металлургические предприятия из Кривого Рога — в Нижний Тагил, старый центр металлургии и коксохимии. Текстильные фабрики Москвы — в Ашхабад и Сталинабад (ныне Душанбе)... Даже такое уникальное предприятие, как «Североникель» (Мончегорск), нашло место с родственным производством — г. Норильск. В тех случаях, когда принимающие города не располагали соответствующими производствами, там создавались новые строительные организации, позволявшие быстро ввести в строй перебазируемые заводы (Красноярск, Барнаул, Рубцовск и др.). Та же логика наблюдается и в перебазировании научных учреждений (кстати, руководил эвакуацией Академии наук первый академик-географ О. Ю. Шмидт).

Могут сказать: так это само собой разумеется, кому придет в голову иная схема эвакуации? Это верно. География, в отличие от астрономии, занимается объектами и явлениями, которые нас окружают непосредственно. От этого она не перестает быть наукой. И то, что географический подход доминировал в ходе эвакуации, обеспечило ввод эвакуированных предприятий в строй уже в начале 1942 г.!

Будем считать, что в этом проявлялись географические знания, накопленные

ЛПР — лицами, принимающими решения,— за годы интенсивного географического образования в предвоенное время.

Далее, силами ученых была проведена колossalная работа по изучению страны и ее ресурсов. Географы активно в ней участвовали под эгидой Совета по изучению производительных сил (преемника организованной В. И. Вернадским в 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил, получившей после революции непосредственную поддержку со стороны предсвнаркома В. И. Ленина). Эта по сути дела вторая географическая организация в структуре АН СССР организовывала комплексные экспедиции в восточные районы — Сибирь (В. Ф. Васютин, В. И. Лавров, М. И. Помус), Среднюю Азию и Казахстан (М. С. Буяновский, С. Н. Рязанцев), Урал (А. Л. Одуд), Поволжье (Н. Ф. Пришлецов) и ряд других. В стране было по сути дела завершено природное, экономическое и почти завершено естественноисторическое районирование, как бы связывающее воедино природный и социально-экономический аспекты объекта географического интереса; итоговый труд под редакцией академика С. Г. Струмилина был издан в 1947 г. [6], но по его содержанию и библиографическому приложению можно судить, какая огромная исследовательская работа проведена была географами по отдельным отраслевым наукам и по важнейшим регионам.

Именно в предвоенные годы — не без помощи географов — было сделано немало в части освоения новых районов, создание новых энергетических и металлургических баз, строительство новых городов и транспортных линий... Не в последнюю очередь — новых научных центров на периферии... Если бы это все не было сделано, разве могла бы страна в такой короткий срок и так организованно переместить тысячи предприятий и десятки тысяч работников из зоны войны в недосягаемые районы, и не просто переместить — а обеспечить их скорый ввод в строй? Так быстро найти подходящие площади и создать новые продовольственные базы?

Наверное, могла бы... Но это стоило бы еще одного-двух лет войны и нескольких миллионов жертв.

И сейчас, воздавая должное подвигу народа в минувшей войне, трудам ученых той поры, мы должны не только свято хранить память, но и накапливать опыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Л. С. География в помощь фронту и тылу в годы Великой Отечественной войны//География в школе. 1975. № 3.
2. Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е.
3. Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 832 с.
4. Григорьев А. А. Советская география и война//Изв. ВГО. 1944. Т. 76. Вып. 1.
5. Доскач А. Г., Кесь А. С., Назаревский О. Р., Помус М. И. География в учреждениях Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны//Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1975. № 3. С. 9—18.
6. Естественноисторическое районирование СССР/Ред. С. Г. Струмилина. М.: Изд. АН СССР, 1947. 374 с.
7. Комков А. М. Советская картография в годы Великой Отечественной войны//Вопросы географии. М., 1985. Сб. 128. С. 68—77.
8. Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М.: Наука, 1974. 522 с.
9. Марков К. К. Военная география//Изв. ВГО. 1943. Т. 75. Вып. 3.
10. Преображенский В. С., Александрова Т. Д. Материалы к истории отечественной географии XX века. М., 1994. ИГРАН.
11. Советские географы — фронту и тылу (1941—1945 гг.)//Вопросы географии. М.: Мысль, 1985. № 128.
12. Ферсман А. Е. География на службе войны//Наука и жизнь. 1942. № 11—12.
- 13.
14. Экономическая и социальная география в СССР. М.: Просвещение, 1987. 544 с.